

АЛЛА ВЛАДИМИРОВНА НИКИТИНА

кандидат филологических наук, доцент Отдела фольклора
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
centsouffle@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ФОЛЬКЛОРНОЙ СКАЗКИ В СКАЗКЕ ЛУБОЧНОЙ НА ПРИМЕРЕ БАБЫ-ЯГИ

А н н о т а ц и я . Рассмотрен один из аспектов взаимоотношений фольклорной и лубочной традиций – переработка народной сказки в лубочных сказочных сборниках. Внимание сфокусировано на изменении функциональных характеристик образа Бабы-Яги. Новизна работы обусловлена широким контекстом исследования: анализ функционирования Яги в лубочном тексте проведен в сопоставлении с ее традиционным функционированием в волшебной народной сказке. Для анализа был взят фрагмент сказки лубочного сборника начала XIX века. Существенное усиление в сказке героической составляющей привело к корреляции функционирования Яги с функционированием главного героя и инициировало появление неспецифических для нее характеристик, включая коррекцию целеполагания. Помимо отмеченных изменений в специфике функционирования данного типа Яги, традиционного для рассматриваемого сюжета, зафиксировано проявление функциональных черт других ее типов. Это дает перспективу на переосмысление характера и качества проведенной неизвестным автором лубочной сказки переработки фольклорного материала, поскольку основные типы (формы) Бабы-Яги будут обозначены В. Я. Проппом спустя столетие.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сказка фольклорная, сказка лубочная, Баба-Яга, литературная обработка, функциональные характеристики

Д л я ц и т и р о в а н и я : Никитина А. В. Трансформация образа фольклорной сказки в сказке лубочной на примере Бабы-Яги // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 97–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1081

ВВЕДЕНИЕ

Занимаясь функциональными характеристиками Бабы-Яги, мы рассматривали тексты разных по времени и типу сказочных сборников, в том числе лубочных изданий. Материалы последних привлекали с оглядкой, принимая во внимание специфику и «вторичность» лубочной сказки относительно фольклорной. Игнорировать их было бы неправильно, поскольку это предшественники собраний А. Н. Афанасьева, И. А. Худякова и др. и отражают процессы, происходившие в сказочном эпосе и вокруг него в последнюю треть XVIII – первую треть XIX века. Наконец, у нас была надежда обнаружить нечто отличное от стереотипной подачи образа Яги.

Отношение к сказочным лубочным сборникам в первую половину XIX века (причем в разных слоях общества) было непростым¹; неприязнь к лубочной сказке в значительной мере объяснялась тем, что в ней видели «испорченную» народную. Суть претензий – переделка «настоящей» сказки, которая, как отметил В. Г. Белинский,

«[хороша в том виде] как создала ее народная фантазия; переделанная же и приукрашенная, она не имеет решительно никакого смысла»².

В самом деле, нужды в переделке вроде бы нет: интерес к народной сказке в это время жив, ее устное бытование вполне еще может считаться массовым. Но при этом явно востребована и лубочная сказка, на тот момент она куда больше отвечала запросам широкой публики, которая из внимающей и зрящей (картинка как форма лубочной сказки по-прежнему актуальна) быстро становится читающей. К тому же распространенность и доступность «народных книжек», благодаря переизданиям и целиком, и по частям, в сочетании с ростом числа новых вариантов (редакций) сюжетов, подхлестывает и без того активный эволюционный процесс – до появления литературной сказки остается совсем немного времени.

Занятое лубочной сказкой промежуточное положение между сказкой народной и формирующейся литературной отчасти объясняет их сложные отношения – очевидно взаимовлияние форм

устной (фольклорной), лубочной (переработанной и книжной) и литературной (художественной и авторской).

Бытование лубочной сказки в печатном виде указывает, что это не воспроизведение фиксации устного повествования, но его художественная обработка, то есть письменный и по сути авторский текст, который должен соответствовать правилам письменной (литературной) речи; авторство же обнаруживается в характере и качестве переработки источника.

Мы воспользовались изданиями Н. В. Новикова [7], [8] и начали с собраний последней трети XVIII века (времени активного развития лубочной сказки), а затем, имея в виду своего рода преемственность³, обратились к сборникам первой трети XIX века. Результаты получились следующие.

* * *

Самые ранние сказочные тексты с Ягой нашлись не в записях, но в известных изданиях конца XVIII века⁴: в «Лекарстве от задумчивости» (1786) – две сказки; в «Сказках» П. Тимофеева (1787) – три; в «Старой погудке» (1794–1795) – восемь сказок; всего – тринадцать.

Девять из них – сюжетные контаминации, но это комбинации логически обусловленные, встречающиеся и в народных сказках (контаминационные цепочки, искусственные в особенности, – признак обработки [2: 22], [6]). Во всех тринадцати сказках Яга функционирует в эпизоде: в пяти она помощница, в восьми – антагонистка (в четырех из этих восьми ее агрессия направлена против героев богатырского типа, а в двух представлена Яга-воительница). Важно подчеркнуть, что функционирование Яги здесь можно считать традиционным, существенных отклонений в ее характеристиках нет.

Полученные результаты соответствуют представлениям того времени о Бабе-Яге: антагонистка превалирует, актуализирована воительница: на двух известных лубочных картинках⁵ Яга «едет драться с крокодилом»; и именно тип воительницы оказывается базовым при толковании образа Яги в первых отечественных справочно-информативных изданиях – в «Описании древнего славянского баснословия» М. И. Попова (1768) и «Славянской и российской мифологии» А. С. Кайсарова (1807) [4: 68]⁶.

На разработку типа Яги-воительницы не мог оказать влияния процесс активного освоения заимствованных восточных и западноевропейских сказок и повестей. Переработанные переводные авантюрно-рыцарские повести, такие как «Еруслан Лазаревич» и «Бова-королевич»,

были столь популярны, что воспринимались не как «захожие», но как «свои», народные [1: 62–63]. Примечательно, что их творческая переработка происходила, как указывает Н. В. Новиков, «под воздействием русской сказки» и была настолько интенсивной, «что уже в начале XVII века они вполне приобрели форму *волшебного-героического сказок...* (здесь и далее курсив мой. – А. Н.)» [8: 7]⁷.

Не менее примечательно также то, что фиксируется проникновение элементов такой сказки в эпос былинный, например:

«Да прыдумала идти твоя да молода жона
За того же за Олешеньку за Поповича,
А того же *Бобь да королевица!*...»⁸;

пример поздний, но сути отмеченного это не меняет. Инклюзией сказочного элемента в героический эпос является и введение Яги-воительницы в качестве противника богатыря, причем:

– и как замены Змеи, персонажа мифического (мотив змеборчества):

«На ту пору, на то время
Налетела курва Яга баба,
Ладит Добрынюшку нага пожрать...»⁹;

– и как богатырки (трактовка уникальная, поскольку Яга подается как противник по мужскому типу, и богатырь не может ее одолеть, пока не понимает, что биться с ней надо не как с мужчиной, но «как с бабой»):

«Поехал Добрыня во чисто полё
А биться-рубиться с богатырем,
С богатырем биться с Ягой-бабой...»¹⁰.

Отмеченное явление (тоже заимствование, но иного рода – межжанровое) было взаимобразным: элементы сказки проникали в былины, былинные (и не только) элементы заимствовались сказкой и лубочной, и народной. В связи с этим привлекает внимание мнение В. В. Сиповского:

«...к рассказам о чудесных подвигах разных витязей, повествованиям о борьбе их с чудовищами и смертельными опасностями русский читатель подготовлен был не только своей древней повествовательной литературой, издавна уже популярной у нас, но и своим сказочным и былинным эпосом»¹¹.

Замечание важное еще и потому, что сложившаяся волшебного-героическая сказка оказалась удивительным соединением сказочных, былинных, литературных элементов, смешением письменной и устной речи.

Материал с Ягой из записей и публикаций начала XIX века дал только раздел «Сказки лубочных и полубочных изданий»¹² – всего два тек-

ста, оба из сборника «Сказки моего дедушки» (1820)¹³: «Сказка о славном и чудном богатыре Сампсоне Лукьяновиче и царевне Судиславе» и «Утица златокрылая, или сказка о Петре-царевиче и супруге его Царь-девице».

Сказки сборника, их всего пять¹⁴, Н. В. Новиков определяет как произведения «*волшебного-фантастического характера*», «зафиксированные и соответствующим образом литературно обработанные» [7: 25]; при этом, даже если судить только по названиям, четыре из пяти сказок, включая указанные с Ягой, – на героические сюжеты. То есть введение Яги здесь уместно, ожидаемо ее функционирование как антагонистки и даже воительницы. Антагонистку, однако, дает только «Утица златокрылая...», и не воинствующую, а интриганку, разлучницу обрученных; в «Сказке о богатыре Сампсоне...» представлена Яга-помощница, но она серьезно отличается от функционального канона данного типа.

Именно об этой сказке и о Яге в ней пойдет речь, так как это примечательный образец обработки, вернее, переработки «на новый лад» в духе лубочной традиции конца XVIII века. Проанализировать весь текст не позволят рамки статьи, мы разберем лишь фрагмент с Бабой-Ягой (см. Приложение).

«Сказка о богатыре Сампсоне...» очевидно «волшебного-героическая», Н. В. Новиков указывает ее как сюжетную контаминацию: 303 'Два брата' + 465 'Красавица жена' + 532 'Незнайка' [7: 349]¹⁵, что предполагает главного героя богатырского типа, совершение им подвигов и поиски невесты / жены. Но для народной сказки комбинация этих сюжетов обычной не является; два из указанных сюжетов (303 и 532) дают собственный героический тип главного героя, и эти типы существенно разнятся. 303-й здесь, судя по всему, указан ошибочно, так как начальная часть сказки четко соотносится с –650 В* 'Еруслан Лазаревич'¹⁶; элементы именно этого сюжета составляют предысторию контакта героя с Ягой и обуславливают характер их отношений в дальнейшем.

По всему тексту подтверждений богатырскому типу героя – множество:

– начало названия сказки – «о славном и чудном *богатыре* Сампсоне...»;

– имя Сампсон¹⁷ – отсылка к былинному Самсону Колыбановичу, который указывается как эталон богатырской силы, например, Добрыня пеняет матушке:

«– Спородила ты меня мать несчастливого,
А силою меня не сильного...»,

а родна матушка ему отвечает:

«– Я бы рада спородить дитя милое
А силою в Самсона Колыванова...»¹⁸;

– предыстория контакта героя с Ягой: Сампсон – боярский сын «чудесного» рождения (единственное, позднее, вымоленное «детище»); его богатырская сила проявляется рано, но он ее не соразмеряет – калечит сверстников в играх; по царскому требованию и с благословения родителей он отправляется «в чистое поле, людей посмотреть и себя показать» (= «силы своей изведать»). Он добывает себе богатырского коня (Рабикана) из конюшни арабского царя Селима, государя «сильного и храброго», и едет в Арабское царство, убив по пути стража «оного государства» – двенадцатиглавое морское Чудище. Селим предлагает Сампсону службу (рыцарь находит себе сюзерена) и желает, чтобы тот добыл ему царевну из царства, что «за тридевять земель» – «многие богатыри и витязи не могли... [лишь Сампсону по силам]». Герой присягает Селиму на верность и отправляется ту службу исполнять:

«Тогда взговорит Селиму Сампсон: “Слушай, царь Селим, *сослужу я тебе службу верой правдою и даю в том честное слово богатырское и присягу молодецкую*”. После слов сих он встает с места... <...> и в путь далекий отправляется, за тридевять земель, в тридесятое царство Семигальское государство к царю Еремею Пахомовичу...»¹⁹

Кроме того, сказка изобилует былинными элементами; по мнению Н. В. Новикова, само повествование «ведется ритмизированной прозой, близкой к былинному стиху», что, на самом деле, не так, хотя есть вставки былинных формул, но их немного и роли, организующей ритм повествования, они не несут, здесь они часть переработки. Это художественный текст, созданный по законам письменной речи, он представляет собой сложное смешение элементов (от лексики, устойчивых выражений и формул до описаний и мотивации героев), соотносящихся и с волшебного-героической, авантюрной сказкой («квест»), и с былинным эпосом, маркирующих повествование как усиленное героическое.

Яга-помощница в сюжетах типа «квест» традиционна; ее помощь и словом (наставление, направление) и делом (чудесные объекты, колдовство и др.) – содействие герою в решении задач и достижении цели. В рассматриваемом тексте, с учетом специфики подачи главного героя (усл. тип странствующего рыцаря, который решает задачи, совершая подвиги) и привлекаемого былинного компонента, «квест» находится в зависи-

мости от героической составляющей, – истинная «волшебство-героическая» сказка.

В героических сюжетах Яга также может быть помощницей, но такое функционирование встречается намного реже, а помощь определяется как вынужденная (уступка обстоятельствам и силе). Функциональная норма Яги в героической сказке – агрессивный антагонист и даже воительница, что работает на утверждение ее противника как истинного героя, богатыря, не имеющего себе равных, сильнее.

Возможно, что Яга-антагонистка (и воительница) была бы в данном тексте уместнее, больше отвечая запросам времени создания сказки и самой идее богатырства главного героя – противник обязан соответствовать; но она здесь помощница, вынужденная, в несвойственной ей роли исполняющего взятое на себя обязательство, и аналогов такого функционирования Яги в народных сказках нет.

В рассматриваемом фрагменте можно наблюдать едва ли не пошаговое изменение функционирования Яги и, что важно отметить, очевидна корреляция трансформации с функционированием главного героя.

- Яга здесь персонаж эпизодический, что характерно для нее в принципе; и поскольку эпизод с ней представляется поворотным в сюжете типа «квест», приход героя к Яге и ее роль помощницы ожидаемы.

- Место обитания Яги традиционное – лес; как и ее жилище – избушка на курьих ножках, чья беспокойная сущность подчеркнута («стоит-поворачивается»). Формулу, которую герой использует для ее поворота, можно считать классической. Н. В. Новиков указывает: «Обращение Сампсона Лукьяновича к избушке на курьих ножках и весь диалог с Бабой-ягой выдержан в народной традиции...» [7: 349]; но диалог, о котором идет речь, здесь будет позже, и это не тот общеизвестный обмен репликами в типовой сцене появления героя в избушке Яги.

- Статичное положение (лежание, сидение) является характерным для Яги в сказках типа «квест»; и в рассматриваемом фрагменте в начальный момент контакта она предстает сидящей, но статичность вмиг сменяется нападением. Ни «Фу-фу-фу!..», ни «куда путь держишь?..» – отсутствие традиционной формулы встречи можно считать первым сбоем в подаче образа. Реакция Яги на незваного гостя крайне агрессивная, есть даже экивок на ее людоедство – «бросилась на него и хотела его когтями разорвать и живого сожрать». Примечательно, что эта фраза в тексте сказки уже есть, она – полный дубль реакции

на героя морского Чудища о двенадцати головах²⁰ в предшествующем змеборческом эпизоде. Косвенно это указывает на статус Яги (во всяком случае начальный) как антагониста и еще одного препятствия, которое предстоит преодолеть герою в череде подвигов, утверждающих его как героя истинного (напомним, что одно из значений 'яга' – зло, уничтожение которого для настоящего героя обязательно).

- По фрагменту двучастное именование *Бабаяга* дается в такой последовательности частей почти неизменно. Поскольку текст письменный, написание второй части имени со строчной может указывать на меньшую значимость – Яга здесь прежде всего баба. Это объясняет ее несостоятельность в противостоянии с героем²¹, несмотря на попытку агрессии (напомним, что еще одно значение лексемы 'яга' – сила²²).

- Вразумление Яги происходит не словом по модели «Ты бы сначала накормила, напоила, а потом бы и спрашивала...», но жестким ответным действием: герой доказывает, что сильнее. Он распластывает ее на столе и избивает «дубинкой в тридцать пуд» («начал оною дубинкою Бабую-ягу поколачивать и поучивать») – способ, далекий от принятого в богатырстве выяснения в поединке, кто сильнее («меряться силой»), но «поколачивание» и «поучивание» противника дубинкой (= палицей) явно взято из былин²³.

Подобные сцены вразумления Яги, пусть единично, но можно обнаружить, например, в «Старой погудке» (№ 10 «Сказка о Ивашке-медведем ушке», СУС 650 + 301 А, В), в более ранней лубочной сказке, чем рассматриваемая; и позже, уже во второй половине XIX века, например, в сборнике А. Н. Афанасьева (№ 310 «Илья Муромец и Змей» – сказка богатырская, СУС 650 А)²⁴.

- Агрессивной антагонисткой героя Яга представлена лишь поначалу, она здесь не воительница и богатырю не противник. Далее она проявляет себя как помощница, но прежде всего колдунья, так как она знает и может: знает, кто к ней приехал и зачем; знает, что нужно для похищения царевны, изготавливает «сонное зелье» и печет «усыпляющие лепешки»²⁵ для стражей; знает, где «хранится» царевна; знает, что быть погоне (и на этот случай у нее есть чудесные предметы, превращающиеся в непреодолимые преграды).

- Наиболее значимый сбой²⁶ в традиционном функционировании Яги: чтобы прекратить экзекуцию, она предлагает герою сослужить для него (вместо него) службу, которую он взялся сослужить царю Селиму, – добыть царевну. Предложение героем не только принимается, но и за-

крепляется имитацией формулы принятия обета служения – невыполнение обязательства карается смертью (заимствованный и адаптированный элемент рыцарской повести):

«Сампсон перестал ее бить-колотить и развязал ей руки и ноги, и пустил на волю, и говорил ей такие слова: “Слушай, Баба-яга, *сослужи ты мне службу и доставь мне царевну Дарью Еремеевну, а если ты мне не доставишь, то я тебя убью*, и ты нигде от меня не укроешься, ни в воде, ни в огне, ни под землею, я везде тебя найду”...» (см. фрагмент сказки в Приложении).

Очевидно, что помощь Яги здесь вынужденная (в силу обстоятельств), и это не помощь, но служба ситуативному сюзерену: она сама отправляется добывать герою царевну, – действие, Яге несвойственное (хотя похищения – ее амплуа). Подобный сюжетный поворот с участием Яги – большая редкость (в СУС 303 ‘Два брата’ и 519 ‘Безногий и слепой богатыри’ Яга под страхом смерти помогает героям, но ее помощь не является обетом и не связана с тем, что, в свою очередь, для них является исполнением обета сюзерену). Все это не просто дань увлечению переводными героическими повестями, но очевидное свидетельство усложнения функционирования персонажей – один из приемов лубочной переработки.

- В повествовании улавливается обозначение Ягой героя как своего сюзерена, например, ее призывание Сампсона себе на выручку в момент крайней опасности:

«Государь ты *мой*, Сампсон Лукьянович, солдаты и воины царя семигальского Еремей *меня* настигают и смертью угрожают, и хотят *у меня* свою царевну Дарию Еремеевну отнять, а *меня* злой смерти предать...» (см. фрагмент в Приложении).

Этот призыв вполне может трактоваться как предусмотренный обязательствами сюзерена в отношении вассала²⁷ (Сампсон явно призывается спасти ее, Ягу: *государь мой... меня* настигают, *мне* угрожают смертью, *у меня* хотят отнять... добытую Дарью). Ничего подобного народная сказка не знает. Стоит также отметить используемый здесь прием «переворачивания».

Во-первых, не Яга в погоне, а погоня за ней (роль объекта погони для Яги – нонсенс, еще один очевидный сбой); причем Яга здесь застигнута в момент своего «служения», но догоняет ее целое войско, она же – не воительница, и арсенал ее собственных возможностей исчерпан. Очевидно, что помочь Яге может не столько более сильный, сколько наиболее заинтересованный в результате исполнения ею обещанного.

Во-вторых, Яга призывает Сампсона «громким тонким» голосом, и это еще один сбой, так

как традиционным для Яги, особенно в волшебно-героической сказке, является голос зычный (к тому же, ‘ягать’ – *кричать*). «Тонкий» голос может свидетельствовать об отсутствии сил – действительно крайний момент и помощь нужна срочно; тем более что высокий тонкий голос (пронзительный, «головной») в обрядовом фольклоре считается «пробивающим» пространство (а герой здесь далеко, «за тридевять земель», ждет Ягу в ее избушке). Сампсон слышит призывы и спешит Яге на помощь. Его выезд – замечательный пример литературной обработки былинного материала:

«Сампсон... взял свою дубинку в правую руку, а в левую крепкий щит, и садится на коня своего Рабикана, и ударяет его по крутым бедрам, конь осержается²⁸, от земли подымается выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, малые речки хвостом устилает, большие переплывает, и настиг²⁹ он рать-силу великую...»

– былинная формула, вправленная в литературно оформленный контекст³⁰.

- Перевернутость ситуации достигает максимума в попытках Яги задержать погоню: она бросает превращающиеся в непреодолимые преграды щетку (густой лес) и платок (широкая, глубокая река) и терпит неудачу. В народной сказке чудесные предметы (обычно их три, здесь же только два) традиционно принадлежат Яге, но используются против нее сбегающими героями (в СУС есть сюжет 313 Н* ‘бегство от ведьмы с бросанием чудесных предметов’, а не наоборот). Использование их самой Ягой, чтобы спастись от погони, – факт «вольного обращения» автора-лубочника с материалом народной сказки и явное свидетельство трансформации образа.

- Наконец, еще один нетрадиционный момент – по завершении дела герой отпускает Ягу «восвояси», что для народной сказки совершенно нетипично, такая концовка единично встречается в сказках лубочных. Например, так заканчивается «Сказка про Ивашку Медвежье ушко» из «Старой погудки» (СУС 301 А, В), но Яга там воительница и ее отношения с героем иные; она отпускается «на все четыре стороны» после того, как признает свое поражение, «возвращает» к жизни братьев героя и дает зарок никогда более против него не ходить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный фрагмент дает представление о характере переработки народной сказки авторами лубочных сборников конца XVIII – начала XIX века: «поновление» затрагивало все – от сюжета, композиции и функциональных характе-

ристик персонажей до языка и стиля повествования. Сборник «Сказки моего дедушки» (1820) был оценен исследователями как один из лучших своего времени; такой оценкой он, скорее всего, обязан приближенности содержания к народной традиции, с которой его автор был знаком, равно как и с материалами предшествующих лубочных изданий сказок. Если добавить к этому его осведомленность по части героического эпоса и знание предпочтений читающей публики (введенные элементы освоенных заимствований и созвучные им былинные), очевидно, что переработка была не просто творческой, но эклектичной. Что касается непосредственно подачи образа Бабы-Яги, то здесь традиционное функционирование Яги-помощницы (советы и чудесные дары) переводится в модус личного замещения героя – не «я помогу тебе сделать», а «я сделаю вместо тебя» – роль для Яги несвой-

ственная и в народной сказке не встречающаяся. Трансформация функционирования Яги напрямую связана с усиленной героической составляющей повествования: очевидна корреляция с героикой главного персонажа; и это уже не основная в «квесте» функция Яги по выявлению и утверждению его как истинного героя, а признание его как более сильного и потому главного – обыгрываются ключевая для образа Яги «работа» с разного рода силой и заимствованный мотив служения сюзеру.

Кроме того, здесь, в сказке лубочной, фиксируется смешение (в разных ракурсах и долях) функциональных черт трех базовых типов Яги, столетием позже обозначенных В. Я. Проппом, – помощницы, похитительницы и воительницы; отработаны агрессивная (прямое и «перевернутое» проявление) и колдовская (наиболее близкая Яге форма силы) характеристики.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Сказка о славном и чудном богатыре Сампсоне Лукьяновиче и царевне Судиславе» (фрагмент)³¹.

И ехал Сампсон путем-дорогою ровно тридцать дней, и приехал в густой и дремучий лес, и увидел, что в оном лесу стоит избушка на курьих ножках и повертывается. Тогда он сказал: “Избушка, стань к густому лесу задом, а ко мне, доброму молодцу, передом”. Только Сампсон вымолвил слова сии, то избушка в ту минуту перевернулась на своих ножках и стала к лесу задом, а к Сампсону передом. Сампсон в оную избушку входит и видит в оной сидящую Бабу-ягу.

Только лишь она увидела Сампсона Лукьяновича, то бросилась на него и хотела его когтями разорвать и живо-го сожрать, но он, схвативши ее за руки крепко, сказал: “Ох ты, Баба-яга, не гораздо шути, этот кусок тебе жирен, неравно им подавишься”. И схвативши ее за руки и за ноги, привязал к столу дубовому, и взявши свою дубинку в тридцать пуд, начал оную дубинкою Бабу-ягу поколачивать и поучивать. Тогда взмолилась ему Баба-яга: “Государь ты мой, Сампсон Лукьянович, умиლოსердись ты надо мною, я тебе службу сослужу и украду у царя Еремея Пахомовича дочь славную и прекрасную царевну Дарию Еремеевну”. Тогда Сампсон перестал ее бить-колотить и развязал ей руки и ноги, и пустил на волю, и говорил ей такие слова: “Слушай, Баба-яга, сослужи ты мне службу и достань мне царевну Дарью Еремеевну, а если ты мне не достанешь, то я тебя убью, и ты нигде от меня не укроешься, ни в воде, ни в огне, ни под землею, я везде тебя найду”. Когда он кончил сии слова, то Баба-яга начала толочь усыпляющего зелия и тесто месить и лепешки печь, и когда она теста с усыпляющим зельем намесила и лепешек напекла, то сказала Сампсону: “Государь ты мой, Сампсон Лукьянович, теперь я отправляюсь в путь, доставать царевну Дарию Еремеевну, а ты дожидайся меня здесь”. И садится она в ступу и отправляется в путь, за тридевять земель, в тридесятое царство Семигальское государство к царю Еремею Пахомовичу, доставать дочь его, славную и прекрасную царевну Дарию Еремеевну.

И ехала Баба-яга к Семигальскому царству ровно девять месяцев; приехавши к тому месту, где хранилась царевна, Баба-яга начала львам и змиям кидать лепешки с усыпляющим зелием, львы и змии лепешки поели и от зелия крепким сном поуснули; тогда Баба-яга вошла в палаты царевны Дарии и, схвативши ее в охапку, посадила с собою в ступу и поехала к Сампсону.

Царь Еремей Пахомович, пришедши навестить любезнейшую дочь свою Дарию Еремеевну, не обрел ее в палатах белокаменных и в садах зеленых, исполнился ярости и гнева и приказал в трубу трубить и в тимпаны бить, и собралось к нему войска храброго полмиллиона, а простых солдат, что и сметы нет. И послал он их в погоню за Бабою-ягою и за царевной Дариною. Баба-яга, видя, что за нею погоню чинят и хотят ее злой смерти предать, кинула на землю щетку, отчего вырос дремучий лес, и ни пройти, ни проехать тем лесом невозможно. Тогда все солдаты и воины царя Еремея начали оный лес вырубать и, вырубивши лес, опять погнались за Бабою-ягою.

Баба-яга, видя, что за нею погоню чинят и хотят ее злой смерти предать, кинула на землю платок, отчего сделалась широкая река и холодная вода. Тогда все солдаты и воины царя Еремея начали оную реку переплывать и, переплывши, опять погнались за Бабою-ягою, и начали Ягу настигать. Тогда Баба-яга, видя свою беду неминуемую, взмолилась Сампсону и воскликнула громким тонким голосом: “Государь ты мой, Сампсон Лукьянович, солдаты и воины царя семигальского Еремея меня настигают и смерти угрожают, хотят у меня свою царевну Дарию Еремеевну отнять, а меня злой смерти предать”. Сампсон, услышав такие слова, взял свою дубинку в правую руку, а в левую крепкий щит, и садится на коня своего Рабикана, и ударяет его по крутым бедрам, конь осердится, от земли подымается выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, малые речки хвостом устиляет, большие переплывает, и настиг он рать-силу великую царя семигальского Еремея в то время, когда уже они Ба-

бу-ягу нагнали и хотели злой смерти предать. И кинулся на них Сампсон Лукьянович, и рек таково слово: “Не ясен сокол напускает на воробьев и синиц и мелких пташечек, напускает то Сампсон богатырь на рать-силу великую царя семигальского Еремея, сколько силы побьет, вдвое того конем потопчет”. И начал он дубинкою своей махать и солдат и воинов поколачивать; где раз махнет – там улица, а в другой махнет – с переулочками. И побил он войска храброго полмиллиона, а простых солдат, что и сметы нет.

По окончании дела ратного и побоища кровавого, Сампсон богатырь Бабу-ягу отпустил восвосяси, а царевну Дарию Еремеевну с собою взял и поехал с нею к Арабскому царству к царю Селиму...».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Об отношении к лубочной сказке, а также о печатном и письменном (рукописном) ее бытовании см.: [3: 28], [6: 205–206], [7: 27, 28]. При всей уничижительности оценок («низкопробная литература», «базарно-рыночная литература», «литературный хлам» и т. п.) не оспаривается, что это литература.
- ² Цитата сжата и перефразирована, но смысл не изменен, приводится по: [7: 27–28].
- ³ Как указывает Н. В. Новиков, лубочная сказка начала XIX века «почти всецело живет за счет материалов, опубликованных в веке XVIII-м» [7: 22].
- ⁴ Это второй раздел новиковского издания [8: 60–262]; предьявление неровное – сказок с Ягой нет в семи из десяти авторских собраний, см.: «Письмовник» Н. Курганова, «Бабушкины сказки» и «Сава, ночная птица» С. Друковцева, «Русские сказки» В. Левшина, «Похождения некоторого россиянина», «Забавный рассказчик» Е. Хомякова и «Журнал приятного... чтения». Правда, нет и уверенности в их полном отсутствии, поскольку материалы для публикации Н. В. Новиковым отбирались. Несокращенные названия трех оправдавших ожидания сборников: «Лекарство от задумчивости и бессонницы, или настоящие русские сказки»; «Сказки русские, содержащие в себе 10 различных сказок. Собраны и изданы П. Тимофеевым»; «Старая погудка на новый лад, или полное собрание древних простонародных сказок».
- ⁵ См.: Русские народные картинки. Собрал и описал Д. А. Ровинский. Т. 1. СПб.: Издание Р. Голике, 1900. С. 273–274. Время гравировки – первая четверть XVIII века; привлекает внимание замечание Б. М. Соколова о времени появления сюжета с воинствующей Ягой: «Первым... мы считаем вариант из собрания Я. Штелина (оттиск 1760-х гг., Ров. № 37), в котором “детский” рисунок выдает *свежепридуманность сюжета*... (курсив мой. – А. Н.)» [9: 52].
- ⁶ См.: Попов М. Описание древнего славянского баснословия. СПб., 1768. С. 47. Стоит отметить попадание такой трактовки образа Яги в рукописные сборники, см.: сборник Ф. И. Кудрешова (дат. 1850) – РО ГПБ. О.IV.65.–2 [8: 376].
- ⁷ Ярким примером адаптации сюжета ‘Еруслан Лазаревич’ является «Сказка об Артобазе Хиразовиче – сильном могучем богатыре» в «Старой Погудке» (изд. 2003) [11: 18–64]; можно не сомневаться, что автору «Сказки о Сампсоне...» этот лубочный вариант был с знаком. В сказке есть вставленный позже двухэпизодный фрагмент (усл. СУС 301 В ‘Три царства’), в котором представлена Яга-антагонистка и воительница, сражающаяся с героем [11: 28, 58–59].
- ⁸ Былина «Добрыня Никитич и Змей» (№ 4), зап. от М. П. Локтева А. Д. Григорьевым в 1901 г. в с. Немнога; есть помета, что Алеша Попович идентифицируется здесь с Бовой-королевичем, персонажем сказочным. Приводится по: Былины: В 25 т. Т. 6: Былины Кулоя / Изд. подгот. Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2011. С. 104. (Свод русского фольклора.)
- ⁹ Былина «Добрыня и Алеша» (№ 228), зап. от П. Воинова А. Ф. Гильфердингом в 1871 г. в д. Рыжково на Свином озере (у Кенозера). Приводится по: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1873. Стб. 1093.
- ¹⁰ Былина «Добрыня и Алеша» (№ 290), зап. от А. Гусева А. Ф. Гильфердингом в 1871 г. в д. Заболотье на Кенозере. Приводится по: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Стб. 1253.
- ¹¹ Сиповский В. В. «Очерки из истории русского романа». 1910. Т. 1. Вып. 1. С. 71; цитата приводится по Э. В. Померанцевой [5: 38].
- ¹² Речь о первом разделе новиковского издания по XIX веку [7: 55–116], в который выборочно вошли тексты сборников «Собрание сказок» (1820) и «Сказки моего дедушки» (1820); материалы раздела определяются как библиографическая редкость [7: 346–351]. Сборники анонимны, что можно расценить как приближенность к народным сказкам.
- ¹³ Полное название – «Сказки моего дедушки. Новейшее российское сочинение» – довольно точно, на наш взгляд, раскрывает суть лубочного сборника: здесь и апелляция к авторитетному носителю народной традиции – человеку старому, *сказывающему сказки, и новейшее сочинение*, то есть произведение современное и художественное (и... напечатанное); и все подчеркнуто *свое* – и дедушка «мой», и сочинение «российское».
- ¹⁴ Выпуск «пятком» для того времени обычен; названия и порядок предьявления сказок, см.: [7: 25].
- ¹⁵ Номера сюжетов сказок даются по Сравнительному указателю сюжетов восточнославянской сказки [10].
- ¹⁶ Говоря об этой сказке, Н. В. Новиков указывает: «... в содержании ее значительно рельефней выступают чисто сказочные мотивы, правда, зачастую взятые из различных сказок (например, из “Бовы-королевича”) и искусственно соединенные в одно целое» [7: 349]; «рельфней» – в сравнении со сказкой «О славном и сильном витязе Еруслане», предшествующей в новиковском издании рассматриваемой. Подчеркнем, что по СУС сюжеты с № 650 и до № 699, соответственно и «Еруслан», объединены в группу «Чудесная сила или знание (умение)» [10: 168].

- ¹⁷ Во фрагменте герой указывается чаще по имени, реже – по имени-отчеству; но по тексту сказки в целом именование героя и других персонажей идет по имени-отчеству, и это не сказочный, а, скорее, былинный элемент.
- ¹⁸ Былина «Добрыня и Алеша» (№ 228, ст. 77–88), зап. от П. Воинова А. Ф. Гильфердингом в 1871 г. на Кенозере. См.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Стб. 1090–1097.
- ¹⁹ Цитата из рассматриваемого сказочного текста, завершающая эпизод, предшествующий контакту героя с Ягой.
- ²⁰ Затрагиваются генетическая связь и традиционная взаимозаменяемость Яги и многоглавой Змеи (Чудища; двенадцатиглавая Змея = Яга, например, в СУС 300 А, В и в 303).
- ²¹ Богатырю приходится биться с Ягой, «как с бабой», см. упоминавшуюся былинку «Добрыня и Алеша» (№ 228, зап. от П. Воинова, Кенозеро); стоит учитывать, что сказочное имя = функции персонажа, в отношении Яги это более чем справедливо.
- ²² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 (Т – ящур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. С. 544, 545–546 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.slovozd.ru/etym-vasmer/-pdf/vasmer-etymologic-dict4.pdf (дата обращения 19.05.2019).
- ²³ Скорее всего, это так, но имеются отдельные сказочные варианты и с героической (СУС 301 и 303), и с иной основой (327 С), когда герой сражается с Ягой ее же «оружием» – пестом.
- ²⁴ См. в: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текста и примеч. В. Я. Проппа. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. Т. 3. С. 9–13. В тексте не три, а две Яги (нарушение сказочной тричности), они также подчиняются силе героя, и помощь, соответственно, вынужденная. Текст демонстрирует «вторичность» – идет смешение сказочных и былинных элементов, вполне ощутима литературная обработка.
- ²⁵ Творение сонного зелья – вполне традиционный для Яги элемент в других сказках, например, в том же сюжете «Незнайка», который указывается частью контаминации рассматриваемого текста; или же в «Царь-девице», когда Яга с помощью «сонной булавочки» мешает встрече потенциальных жениха и невесты (см. «Золотую утицу...»).
- ²⁶ Как указывает Н. В. Новиков, «в дальнейшем Баба-яга выполняет несвойственную ей роль: вместо наставления и совета герою, что нужно сделать, для того, чтобы достичь желаемого, она сама похищает для него Дарью Еремеевну и спасается от погони, бросая на дорогу сначала щетку (вырастает лес), потом платок (делается река)» [7: 349–350].
- ²⁷ Исполнять службу Яга едет в своей ступе «ровно девять месяцев», что видится странным, поскольку передвижение Яги в ступе является обычно мерилом быстроты, например: в 300 А, В богатырские кони далеко не всегда могут с ней в том сравниться.
- ²⁸ Пример «переворачивания» ситуации: срочный богатырский выезд с былинной формулой «конь осержается...» как отражение более раннего эпизода добывания героем богатырского коня из запертой, заваленной конюшни – «Сампсон осержается...» и т. д.
- ²⁹ Очевидна путаница в направлении погонь: Сампсон не может «настигать» рать-силу, которая догоняет Ягу, возвращающуюся с добычей домой, ведь он едет им навстречу.
- ³⁰ См. также: «И кинулся на них Сампсон Лукьянович и рек таково слово: “Не ясен сокол напускает на воробьев и синиц и мелких пташечек, напускает то Сампсон богатырь на рать силу великую... сколько силы побьет, вдвое того потопчет”...» – можно было бы предположить неточное воспроизведение характерной былинной формулы описания, но здесь прямая речь, причем персонаж говорит о себе самом; следовательно, это имитация.
- ³¹ Фрагмент с Ягой [7: 96–98], текст сказки полностью [7: 93–102]; в комментариях на с. 349 указывается: «...текст взят из сборника “Сказки моего дедушки” (с. 3–34, отд. пагинация)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России: Сб. трудов / Вступ. ст. и сост. Л. Н. Виноградовой; Подгот. текста и коммент. Л. Н. Виноградовой, Н. А. Пшеницыной. М.: Индрик, 1994. 272 с.
2. Корепова К. Е. Старая погудка на новый лад...: Лубочная сказка как жанр // Живая старина. 1997. № 4. С. 21–23.
3. Корепова К. Е. Русская лубочная сказка. Н. Новгород: КиТиздат, 1999. 244 с.
4. Мифы древних славян / Сост. А. И. Баженова, В. И. Вардугин. Саратов: Надежда, 1993. 320 с.
5. Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965. 220 с.
6. Рожкова Ф. И. Русский лубок и развитие повествовательного начала в народной сказке // Народная культура Сибири: Материалы VIII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 1999. С. 205–207.
7. Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 396 с.
8. Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Новикова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. 288 с.
9. Соколов Б. М. «Баба Яга деревяна нога едет с каркарладилом драгитися»: Слово в лубке как символ «письменной культуры» // Живая старина. 1995. № 3. С. 52–54.
10. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 440 с.
11. Старая погудка на новый лад. Русская сказка в изданиях конца XVIII века / Сост., вступ. ст. К. Е. Кореповой. СПб.: Трoпа Троянова, 2003. 400 с.

Поступила в редакцию 31.05.2024; принята к публикации 08.07.2024

Original article

Alla V. Nikitina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
centsouffle@gmail.com

A FOLK TALE IMAGE TRANSFORMATION IN POPULAR PRINTED (*LUBOK*) TALES: THE CASE OF BABA YAGA

Abstract. The paper addresses one aspect of relations between folklore and popular print (*lubok*) traditions related to the transformation of folk tales in popular printed (*lubok*) compilations of tales. Primary attention is focused on the resulting changes of the functional features of the Baba Yaga character. The novelty of the used research approach is in the broadness of the contexts for the comparison of Baba Yaga's functions in *lubok* texts and folk fairy tales. The paper analyzes a fragment of a tale included in a *lubok* compilation dated to the early XIX century. Significant strengthening of the heroic aspects in the narrative resulted in the correlation between Yaga's functions and the functions of the main character (the hero). This resulted in Yaga acquiring features non-specific for this character, including the correction of goal-setting. In addition to the abovementioned changes in the specificity of the functioning of this type of Baba Yaga, typical for the analyzed plot, the manifestations of functional features of other types were identified. These observations provide a perspective for further reconsideration of the essence and quality of transformation of folklore plots performed by an anonymous author of the *lubok* tale, as the main types (forms) of Baba Yaga were identified by V. Ya. Propp only a century later.

Keywords: folk tale, popular printed tale, *lubok* tale, Baba Yaga, literary transformation, functional characteristics

For citation: Nikitina, A. V. A folk tale image transformation in popular printed (*lubok*) tales: the case of Baba Yaga. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):97–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1081

REFERENCES

1. Eleonskaya, E. N. Tales, spells, and wizardry in Russia: Collection of papers. (L. N. Vinogradova, N. A. Pshenitsina, Eds.). Moscow, 1994. 272 p. (In Russ.)
2. Korepova, K. E. Old tunes in new styles: *Lubok* tale as a genre. *Zhyvaya starina*. 1997;4:21–23. (In Russ.)
3. Korepova, K. E. Russian *lubok* tales. Nizhniy Novgorod, 1999. 244 p. (In Russ.)
4. Myths of ancient Slavs. (A. I. Bazhenova, V. I. Vardugin, Comps.). Saratov, 1993. 320 p. (In Russ.)
5. Pomerantseva, E. V. Fates of Russian folk tales. Moscow, 1965. 220 p. (In Russ.)
6. Rozhkova, F. I. Russian *lubok* and the development of narrative in Russian folk tales. *Folk culture of Siberia. Proceedings of the VIII research and practice workshop of Siberian Regional Interuniversity Center for Folklore Studies*. Omsk, 1999. P. 205–207. (In Russ.)
7. Russian folk tales as recoded and published in the first half of the XIX century. (N. V. Novikov, Ed.). Moscow; Leningrad, 1961. 396 p. (In Russ.)
8. Russian folk tales in early records and publications (XVI–XVIII centuries). (N. V. Novikov, Ed.). Leningrad, 1971. 288 p. (In Russ.)
9. Sokolov, B. M. “Baba-Yaga the Wooden Leg is riding to fight a crocodile”: Captions in *lubok* pictures as manifestations of “written culture”. *Zhyvaya starina*. 1995;3:52–54. (In Russ.)
10. Comparative index of plots. Eastern Slavic Tales. (L. G. Barag, I. P. Berezovsky, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov, Comps.). Leningrad, 1979. 440 p. (In Russ.)
11. Old tunes in new styles. Russian folk tales published in the late XVIII century. (K. E. Korepova, Ed.). St. Petersburg, 2003. 400 p. (In Russ.)

Received: 31 May 2024; accepted: 8 July 2024